

ществованія. На смѣну и взаѣмнѣ уходящимъ силамъ приходитъ опытъ для мудраго пользованія своими жизненными ресурсами.

У Толстого этотъ обычный въ жизни каждаго человѣка передомъ нѣсколько затянулся. Онъ нашелъ свою, „ясную поляну“ на 34-мъ году въ счастливой семейной жизни (не чуждой бурь), въ заботахъ по хозяйству, въ творествѣ. Только къ пятидесяти годамъ Толстой особенно остро почувствовалъ приближеніе старости и съ новой силой захваченъ былъ вопросомъ о смыслѣ жизни.

Тихая поверхность яснополянскаго счастья заволновалась философскими тревогами. То, что такъ остро и больно терзаетъ обыкновеннаго человѣка въ 35-лѣтнемъ возрастѣ, сломило могучаго писателя на 15—20 лѣтъ позже—соответственно могучему росту его долговѣчнаго организма. Словно природа знала, что въ 80 лѣтъ Толстой будетъ также силенъ и бодръ, какъ рѣдко бываютъ бодры и шестидесятилѣтніе старцы.

Толстой заглянулъ въ свою душу, сошелъ въ глубь по ея кругамъ, усмотрѣлъ тамъ много грѣховъ и ужаснулся. Явилась не новая, но съ новой силой мутившая потребность очищенія и нравственнаго возрожденія. Горячка семейныхъ заботъ, творчества, хозяйственныхъ волненій прошла; наступало удовлетвореніе жизненными благами и удачами,—впередѣ зіяла могила и съ непреодолимой силой толкала человѣка къ подведенію итоговъ жизни. Зачѣмъ жить? Какъ жить? Неужели для накопленія богатствъ, для славы, для обезпеченія семьи? Душа большого человѣка не мирилась съ такими тусклыми цѣлями жизни. Знакомство съ великими философами и художниками пессимистами—съ Шопенгауэромъ, Соломономъ и другими пробуждало страстную потребность разгадать загадку жизни.

Сегодня будетъ куплено имѣніе въ Саратовской губерніи, а завтра въ Самарской. А дальше что? И какъ жить среди вопіющихъ противорѣчій и неправдъ жизни?

Подобно Данту, Толстой пробовалъ опереться на теологію. Но у него не было своей Беатрисы. Онъ хотѣлъ слиться съ народомъ, съ его наивными традиціями церковной догмы и церковныхъ обрядовъ. Но пятьсотъ лѣтъ отдѣляло новаго Данта отъ его предшественника. За это время выросла наука и цѣликомъ свергла иго церковныхъ традицій и предрасудковъ. Толстой слишкомъ современный человѣкъ, натура глубоко разсудочная, чуждая всякаго мистицизма, тщетно навязываемаго ему нѣкоторыми критиками.

Попытка Толстого смириться передъ традиціонными формами религіи вызвала протестъ всего его существа,—его разума, его совѣсти, его художественной пронизательности, доходящей до ясновидѣнія. Всплыла и должна была всплыть старая мысль, записанная въ дневникѣ отъ 5-го марта 1855 года о созданіи религіи Христа, очищенной отъ вѣры